

МИФО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИСКУРСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.В. Белоножко

Белоножко Наталья Викторовна
кандидат философских наук, младший научный
сотрудник Института философии и права
УрО РАН

Мифами пронизана жизнь человека с младенчества и до глубокой старости; и в древности, и ныне мифы исправно исполняют присущие им функции. Каковы же эти функции? Они напрямую вытекают из особенностей мифа как феномена общественного (массового) сознания. Здесь речь идет и о выстраивании целостной картины мира, снятии противоречий, а также функции идентичности, в полной мере проявляемой в социальной адаптации и моральной реабилитации.

Все сферы жизни человека окутаны мифологическими представлениями и особенно те, что связаны с формированием и поддержанием в актуальном состоянии идеологических аксиом. Так было во все времена, не исключение и проживаемый нами исторический этап.

Мифы, созданные на заре человечества, трансформируются во все более сложные с расширением диапазона знаний человека. С точки зрения стороннего наблюдателя, способ жизни мифологизированного человека можно рассматривать как бегство от реальной действительности, обожествление человека или очеловечивание природы, но на самом деле миф всегда был и есть тем, что можно назвать «специфический способ отражения бытия». Необходим миф по той причине, что его природа неотделима от природы человека, в корне ее лежит потребность реализации не востребуемых сил человека, что и воплощается в героях мифов.

Говоря о мифе, мы имеем полное право утверждать его жизнеспособность и непрерывность, т.к. в нем присутствует элемент приближенности, даже

интимности, генетического родства, ощущаемого каждым человеком на интуитивном уровне. Это дает мифу дополнительный аспект, субъективность, отнесенность его не к абстрактному существу, а к каждому конкретному человеку.

Мифология живет самоутверждением личности, поскольку миф есть способ отражения бытия посредством реализации нереализованных способностей и сил человека. В мифе личность старается проявиться, высказать себя, иметь свою историю. Мифология невозможна без человека. История невозможна без человека. Мифология невозможна без истории. Уже не является откровением заявление о неоднозначности истории и множественности ее интерпретаций. Как раз история и является тем полем, где оформляются и отрабатываются мифологические сюжеты.

Речь идет не только о глубокой древности, когда история считалась не наукой, а своего рода искусством. Своей задачей античные историки полагали передать слушателям в форме художественного рассказа о достопамятных событиях и лицах ряд нравственных назиданий. Поэтому логично присутствие басен и даже сознательного вымысла в трудах таких уважаемых на протяжении веков авторов, как Геродот и Фукидид. В «Синопсисе» Иннокентия Гизеля, первом учебнике русской истории (несколько ограниченном в отборе описываемых событий), изложены те времена русского народа, о которых ничего не знает начальный летописец. Читатель «Синопсиса» узнает о том, что прародителем московских народов был Мосох, шестой сын Яфета, внук Ноя; Александр Македонский дал славянам грамоту, утверждавшую за ними их вольности и земли. Так что история издревле была не простым изложением наиболее значительных событий в хронологическом порядке, а скорее *magistra vitae*.¹

С течением времени и развитием философской мысли историю часто стали использовать для подтверждения собственных умозрительных построений о сущности и смысле жизни человека. Но мифов в исторических трудах меньше не стало, несмотря на то, история воспринимается в основном как наука (или комплекс научных дисциплин) о закономерностях развития человеческих сообществ.

Разумеется, ни один исследователь не способен с абсолютной точностью восстановить события прошлых эпох, несмотря на то, что убежденность в закономерности и детерминированности исторического процесса рождает призрачную

уверенность в четком и подробном восстановлении событий прошедших эпох. Ясперс говорил по этому поводу: «...в вульгарном понимании историков, которые верили в познаваемую необходимость исторического процесса, научная идея каузальности была перенесена на историю в целом. Благодаря этой эволюции уверенность в том, что история может быть постигнута в ее целостности, является в наши дни едва ли не вполне естественным заблуждением. Здесь господствуют приблизительные, недостаточно отчетливые представления: ход вещей в своей совокупности детерминирован, по существу, установлен; при соответствующем исследовании эта детерминированность может быть познана; из прошлого с непреложной необходимостью следует будущее».²

Чем обусловлена жизнеспособность мифа? Одно из главных стремлений человека - сделать вполне объяснимым и удобным для жизни свое земное бытие. Миф как форма мировоззрения выстраивает целостную картину мира. Миф – это предсказуемая, определенным образом построенная и художественно оформленная реальность, мир истины открываемый через художественные образы. И, проявляя себя в окружающем нас мире в виде знаков, образов, стереотипов, символов и ассоциаций, вызывает определенную эмоциональную реакцию, которая способствует наиболее глубокому постижению сути явления и выстраиванию модели для разрешения любых противоречий. Тем самым мир приводится (как минимум - в собственном восприятии) в совершенную форму, что и требуется человеку.

Кроме того, миф снимает личную ответственность с человека за выработку и поиск путей решения проблем, так как ориентирован на авторитет традиции, ритуала, вождя. И потому миф можно рассматривать как результат слияния деятельности выдающейся личности с определенными сложившимися в данное время и в данном месте условиями жизни и представлениями о том, каковой эта жизнь должна быть. Иначе говоря, личные особенности, устремления и активность субъекта мифа (харизматического лидера - героя в мифологической терминологии) и характеристики мифологического объекта (потребности человека, жизнь и судьба социальной группы), оформляют окружающее человека пространство (политическое, историческое) мифологическим образом. Миф формирует и придает направленность общественному сознанию в зависимости от акцента употребления мифа.³ Этим во все времена пользовались «великие эмпирики массы». А «человеку массы» возможность в мифе отождествлять себя с группой, воспринимая при этом мнение группы как собственное, просто способствует социальной адаптации и являет собой способ моральной реабилитации.

Со способностью мифа к социальной адаптации связана одна из древнейших функций мифа -

обеспечение действенности ритуала. Составляя существенную часть ритуала, он помогал сохранить условия, на которых покоилась жизнь общины. В древности многократно повторяемые во время ритуала магические слова обладали силой, способной вызывать или воссоздавать ситуацию, которую они описывали. Таковы, например, греческие мистерии, в которых разыгрывались сцены из жизни богов и героев. Также во время празднования вавилонского Нового года жрецы распевали Энума Элиш, воспроизводя тем самым ситуацию соответствующего мифа. Мифологически мыслящий человек соотносит себя с Гераклом, Ясоном или Прометеем как реально существовавшими личностями, чья выдающаяся своими подвигами и убеждениями жизнь достойна служить образцом для менее одаренных потомков.

Многократно повторяясь, миф исполняет одну из важнейших своих функций – функцию идентичности. В данном контексте идентичность - это стремление масс усвоить новые идеи, которые сформированы харизматической личностью (воплощены деяниями мифологического героя), если они соответствуют атмосфере эпохи и представлениям масс.

Один из примеров жизнестойкого, системообразующего, всеобщего мифа заключается в известной всем со школьной скамьи формуле, связанной со средневековым периодом жизни нашей страны – «Москва – Третий Рим, а четвертому – не бывать!»

«Москва – Третий Рим», - это грандиозный, всеобъемлющий, системообразующий миф, вокруг которого, по сути, и сформировалось Московское государство в период, когда «Второй Рим» завершил свое существование в связи с османским завоеванием Константинополя. То самое меньшинство, что по А. Дж. Тойнби движет вперед цивилизацию, создает мощный социальный миф о Святой Руси - наследнице Рима и русских христианах как носителях православной духовности. «Русские не были узурпаторами, бросающими вызов живым владельцам труппы. Они остались единственными наследниками. Русским казалось, что если греки были отвергнуты Богом ... то сами они получили политическую независимость за преданность церкви.»⁴ Важную роль в становлении мифа сыграли успешные политические шаги в непереносимой последовательности: женитьба Ивана III на Софье Палеолог, племяннице последнего константинопольского императора Константина, принятие в качестве герба русского государства двуглавого римского орла, свержение власти ханов, объединение русских земель, коронация Ивана IV Грозного как русского царя, утверждение в 1551 году Собором русской православной церкви преимущества русской версии православия над другими. И далее уже ничто не могло искоренить эту идею: ни раскол, ни преобразования Петра,

ни дальнейшие перипетии российской жизни. И поныне идея продолжает существовать: и в первоначальном религиозном виде, и как наследие славянофильского движения в форме веры в уникальную судьбу России и ее вселенскую миссию. Идея действительно значительно пережила время своего рождения и не пополнила ряды старых отживших истин. Вступив в третье тысячелетие, эта идея, пусть и не является более в пределах страны абсолютно не подлежащей сомнению, тем не менее, продолжает питать новые умообразительные построения и быть материалом для вполне материальных воплощений.

Мир человеческий живет такими мифами. Незря Ницше задачей своей новой философии видел сознательное творение мифов и иллюзий: «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий

характер, свои силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает культурное движение в некое законченное целое».⁵

1 *Наставница жизни (лат.)*

2 Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Прогресс, 1991. - с.127

3 Имеется в виду то, что социальный миф неоднозначен и в течение своей жизни неоднократно меняет свою направленность: нейтральную на положительную, положительную на отрицательную и обратно (миф о Ленине, например, миф о «золотом веке»).

4 Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. - М.: Айрис-пресс, 2003. - с. 508

5 Ницше Ф. «По ту сторону добра и зла». - Москва.: Совместное итало-советское издательство «Сирин», 1990. с 187

МЕТАФОРА: ФИЛОСОФСКИЕ ГРАНИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

А.Н. Фатенков
(г. Нижний Новгород)

Судьба метафоры как феномена культуры удивительна. Поначалу она обнаруживается Аристотелем в качестве всего лишь одной из тропических фигур речи. Именно той, в которой осуществляется «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии».¹ Метафора украшает речь – и поэтическую (особенно при ямбическом стихосложении), и прозаическую, – делая её «не затасканной и не низкой»;² но вряд ли придаёт говорению и письму ясность, ибо последней отличаются те «из имён и глаголов... которые употребляются в собственном имени».³ Стагирит советует менять местами имена «предметов близких, но не явно», отыскивая сходство «и в вещах, далеко отстоящих друг от друга».⁴

Сегодня статус интересующего нас тропа в интеллектуальном сообществе предельно высок. В метафоре «стали видеть ключ к пониманию основ мышления».⁵ Открыто раздаются голоса в пользу её гипостазирования и распространения не только на сферу мышления и языка, но и на область действия, практики.⁶ Нынешние гуманитарии возвращаются тем самым к идее, отчеканенной некогда в творческой мастерской Ф. Ницше: «... Побуждение к образованию метафор – это основное побуждение человека...».⁷ *Трактуемая максимально широко, метафора понимается как процесс и результат переноса одного фрагмента словесно-вещной реальности на место другого.* Социокультурное пространство богато на такие события, оттеняющие его семиотический и – уже – лингвистический каркас.

Дополняя и подправляя Аристотеля, в метафоре в настоящее время предпочитают находить не только и не столько сокращённое уподобление, сколько сокращённое противопоставление.⁸ На взгляд Ж. Лакана, например, «современная поэзия и сюрреалистическая школа сильно помогли нам, показав, что в принципе всякое соединение двух означающих может с равным успехом образовать метафору; но для возникновения поэтической искры, т.е. для того, чтобы метафорическое творчество состоялось, образы означаемого должны быть *максимально чужеродны друг другу* (курсив мой – А.Ф.)».⁹ Но доминируют в академической среде всё же более гибкие интерпретации.

В истолковании Р.О. Якобсона, «метафора устанавливает продуктивную ассоциацию путём аналогии *или* (курсив мой.– А.Ф.) контраста».¹⁰ По версии С.С. Гусева, «выступая средством квазиотождествления несходных (иногда даже противоположных) предметов мысли, метафора создаёт своеобразный контекст «как если бы», позволяющий в явной форме фиксировать одновременно *и сходство и различие* (курсив мой.– А.Ф.) сопоставляемых объектов».¹¹

С точки зрения М.М. Прохорова, метафоризация инициирует семантическую текучесть устоявшегося, косного, а «в текучих мыслях современности», напротив, оттеняет устойчивое, достойное стать «вновь выдвигаемыми основоположениями, мировоззренческими ориентирами».¹²

Впрочем, все внесённые недавно коррективы хорошо укладываются в исходную аристотелевскую дефиницию – если подойти к ней, подобно Ж.